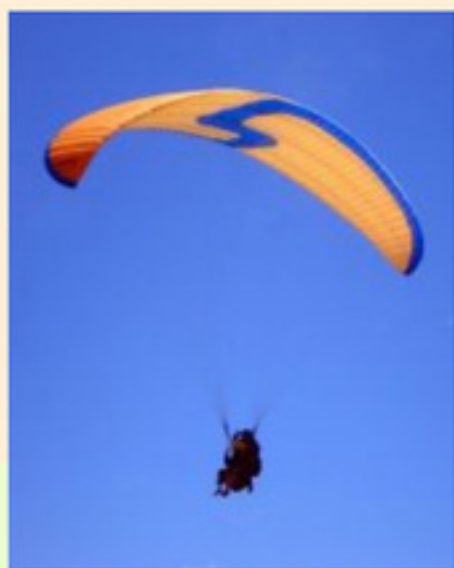

Д. САВЕЛЬЕВ
Е. КОЧЕРГИНА

EXTREME

ЭКСТРИМ

Елена Кочергина

Экстрим

«Автор»

2014

Кочергина Е. М.

Экстрим / Е. М. Кочергина — «Автор», 2014

ISBN 978-5-457-66618-4

Пятеро молодых людей, выглядящих довольно необычно, собрались в странном месте под названием Пустошь. Они не помнят, как здесь оказались. Может быть, они умерли и находятся в потустороннем мире? Или, подобно Данте, путешествуют по загробному миру в видении? Или они стали объектами научного эксперимента с коматозниками и их мозг подвергся воздействию нового вида излучения, инициировавшего появление новой психической реальности? А может быть, их забрали на свою планету добрые пришельцы, чтобы спасти от смерти? Всем пятерым придётся вывернуть свои души наизнанку, чтобы докопаться до истины.

ISBN 978-5-457-66618-4

© Кочергина Е. М., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дмитрий Сергеевич Савельев, Елена Михайловна Кочергина Экстрим

Глава 1 Негритянская хижина

Хижина у Майка была просторная – обжитая такая, милая Хижина. Майк чуть было не стал называть её Домом, но вовремя понял, что этого делать не стоит. Ни одна постройка на Пустоши не достойна такого высокого наименования. Назвать Хижину Домом – всё равно что назвать Пустошь Землёю.

Что такое Пустошь? Каменистая равнина, упирающаяся в горизонт во всех направлениях от Хижины. Возможно, Пустошь – это планета, но у Майка нет способа это проверить. Во всяком случае, если Пустошь – планета, то Хижина стоит где-то на экваторе, потому что солнце находится в зените. Майк читал в интернете, что светило может быть прямо над головой только в тропиках, хотя в народе зенитом называют просто высшую точку солнца на небосклоне. И ещё одна немаловажная деталь – солнце не движется. Следовательно, если Пустошь – планета, время на ней замерло. Но для Майка время идёт, что-то в его жизни меняется, следовательно... следовательно хрен его знает, что такое Пустошь и где она находится.

На Пустоши не дует ветер, нет растений и животных, вообще ничего нет. Только бесконечный растрескавшийся камень, голубое безоблачное небо и неподвижное солнце. Людей Майк пока что тоже не видел. Но он чувствовал: люди ещё появятся.

Майк не помнил, как оказался на Пустоши. Помнил только, что перед этим ему было очень больно и страшно. Чья-то огромная сильная рука в грязной перчатке с корнем вырвала Майка из его уютной земной жизни и переместила сюда. Так садовник выкорчёвывает кустик чертополоха со своей любимой грядки и отправляет его гнить в компостную яму.

Вначале Хижина была абсолютно пустой. Майк выходил наружу, смотрел на солнце и камень, возвращался в Хижину, ложился на пол, вставал и снова выходил на Пустошь. Спать он не мог, есть и пить не хотелось. Но однажды, глядя на солнце, Майк подумал: «Почему я голый?» Войдя в Хижину, он увидел на полу свои любимые джинсы, трусы и футболку.

В следующий раз глядя на солнце, Майк подумал: «А как я выгляжу?» Войдя в Хижину, он увидел большое зеркало, закреплённое на стене. «Да, это я, – подумал Майк. – Но почему я чёрный? Ведь я русский, и негров в предках вроде бы не было...»

Потом Майка посетила другая мысль: «Солнце исполняет мои желания!» Он выбежал наружу, посмотрел на солнце и загадал стол, два стула и банку шпрот. Когда Майк вошёл в Хижину, всё, что он загадал, было там. Он выбежал из Хижины и закричал: «О сияющая звезда! Даруй мне консервный нож, вилку и батон хлеба!» Солнце немедленно исполнило его желание, и Майк впервые за долгое время поел. Но еда не принесла никакого удовлетворения. И Майк понял: удовлетворение приносит лишь то, в чём ты нуждаешься.

Теперь в Хижине стояло удобное кресло и мощная стереосистема, загруженная на 30 гигабайт его любимыми группами в lossless-формате. На полочках красного дерева красовались модели поездов. Искусно выполненные электровозы, тепловозы и паровозы радовали взгляд, но вызывали у Майка какую-то необъяснимую тоску.

Стол и стулья Майк оттащил на Пустошь, и при следующем выходе наружу обнаружил, что они благополучно исчезли.

Вот так он и жил: выпрашивал у солнца различные вещи, а если они надоедали, выкидывал их наружу, и солнце забирало свои дары обратно.

Но солнце выполняло далеко не все желания. Однажды Майк попросил у светила красивую девчонку и долго не решался вернуться в Хижину. Его несколько смущало то, что он превратился в негра, да и вообще, Майк так долго общался сам с собой, что разучился общаться с людьми. Когда молодой человек наконец осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь, он обнаружил, что в Хижине никого нет. Со свиньёй и ёжиком этот номер тоже не прошёл. Майк заказывал аквариум с пираньями и маленького удава, священный фикус и галлюциногенный кактус пейот, археоптерикса и булычёвского говоруна, отличающегося умом и сообразительностью. А у него в Хижине появлялись пустые аквариумы, горшки с землёй и ошейники различных форматов. Тогда Майк понял, что солнечному божеству подвластна только материя, не связанная с жизнью. Оно отказалось дарить даже труп кролика. А вот запечёную кроличью ногу преподнесло без базара.

Майк выпросил у солнца четырёхъядерный ультрабук с шестнадцатью гигабайтами оперативки, но машина не смогла найти ни одной Wi-Fi-сети. Парень несколько раз бегал на Пустошь и просил у светила интернет. Он требовал и умолял, плакал и впадал в ярость. «Что тебе, жалко? – вопил Майк в небо. – ВКонтакте зайду на часок и всё!» Но солнце оставалось безучастно к его мольбам.

Несетевые игры Майка не радовали – что за кайф рубаться с компом? – и в конце концов он оттащил ультрабук на Пустошь. Через какое-то время та же участь постигла и стереосистему.

Майк бесконечно сидел в своём кресле, вертел в руках модельки электровозов и пытался вспомнить свою земную жизнь. Но память выкидывала только обрывочные воспоминания. Вот Ленка со второго курса, одними глазами смеётся над его неказистыми шутками... А вот блондинка Аня, с которой Майк разок переспал по пьянке в прошлом семестре... А это кто? Так это же Женька, его закадычный друган. Но Женька умер. Кажется, попал под поезд. Почему Майк не был на его похоронах? Потому что Женькина мать сказала, что задушит Майка, если он вздумает появиться. Странная женщина... Ведь они с Женькой дружат с начальной школы...

Майк вспоминал друзей и знакомых, но не мог вспомнить собственных родителей; вспоминал названия мест, в которых бывал, но не мог вспомнить собственную фамилию. Где же всё-таки он находится? Похищен инопланетянами? Бред сивой кобылы! Попал в загробный мир? А почему тогда не помнит, как умирал, как встречался с богами и другими потусторонними существами? Что-то такое с ним произошло, но в памяти остались только боль и страх. Боль, страх и солнечное небо, покачивающееся в такт... чему? Какому-то до боли знакомому перестуку, напоминающему молот Барлога в недрах Мории.

Ну да, всё ясно. У него клиническая смерть или, того хуже, – кома. Он лежит, подключенный к аппарату жизнеобеспечения, а сознание выкидывает все эти фортели с Хижиной, Пустошью и солнечным божеством. Кажись, разобрался. Остаётся один ма-аленький вопросик: как долго всё это будет продолжаться и чем кончится? Выживет он или нет? Очухается или квакнется? И что, если квакнется? Тогда его поглотит чернота? Нет уж, лучше существование на Пустоши, чем чёрная бездна небытия!

* * *

Однажды Майку в голову пришла новая неприятная мысль. Предположим, его откачают. Предположим, он не станет калекой и не будет ездить в инвалидной коляске и пускать слюни. Съездит на могилу к Женьке, восстановится в институте, женится на Ленке, устроится работать, нарожает детей. Про него будут говорить, как про Гарри Поттера: «Это мальчик, который выжил». Что дальше? Полетят однообразные годы. Матерящийся начальник, подгузники, дача, любовница из соседнего офиса, сменяющий до бесконечности сам себя на троне президент. Болезни, пенсия, старость и опять *она*... Только уже не клиническая. И не будет тогда никакой созданной его сознанием Пустоши, а только чернота небытия. Может, лучше пусть всё остаётся как есть? Кому нужна жизнь, заканчивающаяся чернотой?

На Земле живёт несколько миллиардов идиотов. Одни идиоты ведут здоровый образ жизни, пытаюсь оттянуть неизбежное. Другие бегают по церквям и гуру в поисках бессмертия. Третьи пытаются получить от жизни всё, пока ещё не померли. Четвёртые плюют на смерть и занимаются экстримом в знак протеста. Эти, пожалуй, будут посимпатичнее. Хотя бы не бздят с утра до вечера перед *ней*, как предыдущие категории идиотов. Но, по сути, и первые, и вторые, и третьи, и четвёртые занимаются одной и той же хренью – борются с той, которую нельзя побороть, и всегда проигрывают.

Может быть, Майк – один из тех счастливичков, кому волею случая удалось *её* победить? Может, это новая ступень эволюции человека? Сотворить в своём сознании бесконечный мир, неподвластный времени, и спрятаться в нём от смерти? Скучновато тут, конечно, но, возможно, это только пока? Что, если законы этого мира создаёт сам Майк по мере обживания в нём? В какой-то книге говорилось, что энергия человеческого сознания бесконечна, и в обыденной жизни человек использует только малую её толику. Надо активизировать скрытые ресурсы! Надо копать в глубь себя! Надо просить у солнца встречи с другими людьми! С такими, которые, подобно Майку, перешли на новую ступень эволюции сознания!

Глава 2

Весельчак с птичьей шеей

Сидя в своём кресле, Майк в очередной раз спорил сам с собой.

«Нет, всё-таки Земля была классная! Может, потому что, живя на ней, надо было бороться со смертью? А мир Пустоши какой-то противоестественный. Уж не потому ли, что здесь нет смерти, голода, жажды и усталости?»

Вдруг он осознал, что уже некоторое время слышит какой-то странный звук, равномерный и настойчивый. «Ту-тук, ту-тук. Ту-тук, ту-тук». Неужели кто-то стучится к нему в дверь Хижины?

Последнее время он часто просил солнце даровать ему собеседника, но отчего-то не верил, что божество исполнит его желание.

Майк распахнул дверь и увидел лицо. Вытаращенные глаза с любопытством разглядывали Майка, а под лицом... Под лицом были довольно мускулистые плечи, гибкий торс молодого мужчины и задница, обтянутая спортивными шортами. Лицо засмеялось в коротко подстриженную бородку, и гость стал поворачивать тело, чтобы оно оказалось в правильном положении относительно лица.

– Что, вставило? – хихикал визитёр. – Мне и самому вставило, когда себя таким в зеркале увидел! Мне на сто восемест градусов башку вывернуть – раз плюнуть. Шейные позвонки разъединены на фиг! Тебя как звать?

– Майком.

– Я Колян. – Молодой человек энергично пожал Майку руку. – Прикинь, вылезая в очередной раз из своего бунгало и вижу твою хату неподалёку. Зашибись!

Колян ввалился в Хижину и осмотрелся.

– Поездами увлекаешься? А я себе мотиков наделал! Спортбайки, «харлеи», классика, полицейские, чопперы, старые советские, эндуро – все, какие бывают...

– Ты давно здесь? – поинтересовался Майк.

– Ты спрашиваешь, сколько раз взойшло и опустилось за горизонт солнце с тех пор, как я кисну здесь? – саркастически осведомился Колян. – Ни разу!

– Ну а чисто субъективно?

– Субъективно я здесь очень долго, братан, непростительно долго. Сто раз просил солнце вернуть меня обратно, а ему хоть бы хрен. А ты просил?

– Как-то не пришло в голову. А может, чувствовал, что это бесполезно...

– Милое креслице. А гостям у тебя здесь есть, куда ж... у кинуть?

– Сейчас попрошу. – Майк направился к двери.

– Закажи шезлонг, что ли. Стой! Как думаешь, он мне на башку не плюхнется?

– Сейчас проверим, – засмеялся Майк.

Когда он вернулся, Колян сообщил, что два сложенных шезлонга появились из воздуха у стены. Они вытащили их на Пустошь, разложили и стали беседовать так, будто знали друг друга тысячу лет. Быть может, так оно и было?

– Ты чего чёрный такой? – стебался Колян. – Отелло хотел сыграть? Не похож! Тебе бы ноздри расширить и губы вывернуть, вот тогда сошёл бы за черномазого.

– Зато у меня шея не птичья! – улыбался Майк. – Интересно смотреть на свою задницу с той стороны?

– Скажи честно, Микаэлло, есть какие-нибудь идеи, как отсюда вырваться?

– А надо ли?

– Не, ну ты загнул! Небось, как я, со скуки подыхаешь!

– А мне на Земле не намного веселее было.

– Ты чё, дворником работал?

– Я вообще ещё не работал. А ты чё делал? По миру ездил и чужие бабки прожигал? Что в твоём понимании «весело»?

– Да, кажись ездил, а куда и зачем не помню. Помню Рио... Гигантский Иисус с пустыми незрячими глазами, жара, мулатки в бикини... Помню Лиссабон... Там такие улочки маленькие, и трамвайчики по ним ездят допотопные, смешные... А какие девчонки были в Малаге! Я снимал их по две шлюхи за раз...

– Да иди ты со своими девчонками! У меня тут вообще не сто́ит, что бы я себе ни представлял...

– Аналогично, – скривился Колян. – Вот поэтому и надо из этого тухляка выбраться, сечёшь? Я в одиночку не смог придумать, как. Но теперь-то нас двое! Одна голова хорошо, а две – мутант! – Колян опять заржал.

– Может, для начала надо вспомнить, как мы здесь оказались?

– Блин, я когда начинаю вспоминать, башка раскалывается, как ненормальная. Типа, я работал... Да, блин! Я работал! А эти козлы меня схватили и поволокли! Какого хрена! Киллеры недорезанные!

– Успокойся! – закричал Майк, видя, что у товарища начался припадок. – Успокойся! Ну их на хрен!

Колян свалился на каменистую землю и обхватил себя руками.

– Нет, я вспомню! – закричал он. – Помоги мне! Задавай наводящие вопросы!

– Кто тебя схватил?

– Убийцы хреновы! Киллеры!

– В белых халатах?

Колян выпучил глаза.

– В белых халатах! Да!

– Так это ж врачи были. Они тебя спасали, дурик!

– А ты откуда знаешь? – Колян медленно уселся в шезлонг.

– А чё тут думать? Ты же в сказки загробные не веришь, как и я? Ну, значит, мы с тобой оба в коме. А кого ты мог видеть перед комой?

– Блин, кажется, я шею сломал, – обречённо вздохнул Колян.

– Ну, всё сходится. Подожди, а со мной-то что?

– Скажи честно, братан, ты русский?

– Ну.

– Посмотри на себя! С трансформатором не баловался, а? В грозу по полю не разгуливал?

– Ё-о-о!

– Вот тебе и «ё»! Шарахнуло тебя и обуглило малость, сечёшь?

– Так то там, а почему я здесь обугленный?

– Фортель сознания. Последнее, что запомнил перед комой.

– И как нам отсюда выбраться?

– Захотеть, наверное, всей душой. Медсёстры забегают, как в кино. «Профессор, профессор, кажется, пациент выходит из комы!» А сможем мы друг друга *там* найти?

– А может, мы в одной реанимации лежим, потому и встретились здесь? По-любому, это паранормалика какая-то!

– Много эта наука знает, что нормально, а что паранормально, – усомнился Колян.

Любитель мотоциклов немного помолчал, а потом перевёл разговор в русло философии:

– Слышь, Мишунь, а местное солнце ведь не простое. Как оно нас понимает? Как исполняет наши желания?

– Да и на Земле солнце не так просто́, как некоторые думают. Древние египтяне поклонялись ему как божеству. А некоторые учёные полагают, что оно – вместилище гигантского интеллекта.

– Не могу избавиться от мысли, что местное солнце что-то от меня хочет. И ещё я чувствую, что оно меня от кого-то защищает. От каких-то мерзких и скользких тварей.

– Ну и чувствительный ты субъект, как я погляжу! – засмеялся Майк. – Кучу всего чувствуешь! Может быть, ты – писатель, оттого и по миру ездил?

– Не, я не писатель, эт-точно. Ещё в школе не любил литру... Так чё думаешь, оно живое?

– Да какая разница, живое или нет? Гигантский суперкомпьютер тоже может желания исполнять.

– Не скажи, братан! У всего живого есть свобода воли: хочу – делаю, хочу – не делаю. А компьютер, будь он хоть сто раз супер-пупер, всё равно действует по программе. Может, нам солнышко-то разжалобить надо, и тогда оно нас назад закинет?

– А, пожалуй, ты прав, Колян! Вот я просил-просил себе собеседника, и тебя выпросил! А ты сам-то живой?

– В каком смысле?

– Ну, может, ты – глюк, созданный суперкомпьютером?

– Ну ты хамло, братан, ваще! Я то же самое могу о тебе сказать!

– Ну а как определить, человек перед тобой или призрак, личность или оцифрованная болванка?

– Вот щас звездюлей надаю, сразу поймёшь! – заржал мотолюбитель. – Не, у каждого человека есть встроенный датчик, чтобы отличать пацаков от чатлан. Оранжевый цвет – чатланин, зелёный – пацак. Я это давно понял, ещё когда в виртуале зависал. У меня от него порядком мозги съехали, а всё равно живого бойца от неживого сходу отличал... А может, мы и щас в виртуале?

– Хреновый это какой-то виртуал тогда, с промывкой мозгов. Ладно, давай вместе будем солнце просить, чтобы вернуло нас домой, авось, сработает. Только про себя будем это делать, а иначе какая-то пошлятина получится – вроде протестантской групповушной молитвы.

– Да как скажешь, братан, про себя – значит про себя.

Глава 3

Бездомная утопленница

Они целую вечность сидели в шезлонгах и не помышляли о женском обществе, но женское общество само нашло их.

Она хромала на обе ноги, была вся мокрая и постоянно отплёвывала воду. Подошла, грустно окинула их взглядом и сказала:

– Здравствуйте, ребята. Я Юлька, утопленница.

– Шо ты гонишь!? – возмутился Колян. – Какая ты, на фиг, утопленница? Столь прекрасного создания мы ещё не видели на Пустоши!

Юлька слабо улыбнулась.

– А почему я синяя? Оставьте свой флирт, молодой человек... Простите, как вас зовут?

– Колян...

– А я Майк, – представился Майк.

– Дорогие мои Колян и Майк, мы с вами в параллельном мире – мире мертвецов. Я сразу это поняла, когда увидела себя в зеркале.

– Дурочка, мы все в реанимации, видим общий глюк! – сказал Майк. – Параллельные миры – выдумка долбанутых фантастов...

– Вас, я вижу, убило током, – продолжала Юлька. – А с вами, Колян, что приключилось?

Колян ухмыльнулся и продемонстрировал свои способности.

– Понятно, перелом шейного отдела. А на каком основании, ребята, вы решили, что находитесь в реанимации? На основании вашего неверия в множественность миров?

– Лучше уж научное объяснение, чем фантастическое, – попытался защититься Майк. – «Мы все мертвецы!» Дешёвым ужасиком пахнет!

– А вы никогда не задумывались, Майк, что мир гораздо сложнее, чем его представляют учёные?

– Да что мы сидим, когда дама стоит? – вдруг возопил Колян, вскакивая. – Сотвори ещё один шезлонг, Микаэлло!

– Я бы предпочла обычный стул, – сказала Юлька, и Майк сбегал в Хижину за стулом.

– А где шампанское, где ананасы? – возмутился Колян. – У нас праздник – новый член клуба коматозников, а ты тормозишь, как последний лох!

– Не надо шампанского, – отрезала Юлька. – Я к вам ненадолго.

– Кстати, а где твой вигвам? – спросил Колян.

– Я его уничтожила.

Оба молодых человека выпали в осадок.

– Как?

– Очень просто: попросила солнце. Я решила стать бездомной странницей и путешествовать по этому миру до тех пор, пока не найду ответы на все вопросы. И вот повстречала вас, но вы, похоже, сами ничего не знаете.

– Пока не знаем, – сказал Майк. – Но чем нас больше, тем проще становится докопаться до истины. Понимаешь, мы обнаружили некие закономерности... Скажи, Юль, у тебя в... твоей постройке были полки с модельками?

– Ну да. В прошлой жизни я увлекалась всем, что связано с океаном. Он-то меня и погубил...

– Постой, постой! – выкрикнул Колян. – Мысль пришла! Майк, а я знаю, как тебя напугать! Электричкой или чем-то, что с ней связано. Может, ты с моста на контактный провод пописал в дождь?

– А ты, по этой логике, с мотоцикла грохнулся? Надо было шлем надевать!

– При чём тут шлем? Он только черепушку защищает, профан! Для шеи нужно «ошейник» – специальный протектор покупать.

– А я слышал, что байкеры специальные кожанки носят, с высоким воротником и защитными вставками, чтобы шею и позвоночник защитить.

– Да ладно, большинство ездит в обычных косухах, а в косухе шея голая, как у стервятника. И вобще, я не байкер!

– А кто ты, родной? Ну давай, вспоминай, это важно! Только по земле больше не катайся, не шокируй девушку...

– Жестокий ты, Микаэлло! – сплюнул Колян. – Я думаю, мы со временем всё вспомним, даже то, что не хотим. У нас тут что-то вроде психотерапевтической группы наклёвывается. Не удивлюсь, если скоро ещё кто-нибудь к нам зачешется.

* * *

У Юльки явно была депрессия. Майк усадил её в своё любимое кресло в Хижине и пытался утешать. А Колян обнаружил: то, что он просит у солнца, теперь появляется в жилище Майка, а не в его собственном. Мотолюбитель бегал наружу и обратно, заказывал у солнца всякие вещи и болтал всякую чушь. В своё бунгало ему возвращаться было теперь без надобности, хотя оно маячило неподалёку.

– А может, мы, типа, в чистилище, – предположил Колян, вернувшись в очередной раз с Пустоши и раскуривая сигару, которую только что сотворил вместе с «Зиппо». – И сейчас решается, возвращать нас обратно на Землю или отправить дальше по лестнице космической эволюции? На Венеру, там, с летающими рыбами или в созвездие Рака? Вот тебя, Юль, держит что-нибудь на Земле?

– Я не знаю. Парень у меня остался, но мы с ним часто ссорились. Наверное, мы работали океанологами...

– А чего ты любила?

– Океан любила, дельфинов, осьминогов... Осьминоги, знаешь, какие умные, умнее многих позвоночных! Я, вообще, откуда-то из Приморья...

– А я всё гадаю, что у тебя за акцент, – встрял Майк. – Не переживай, Юль, вернёшься ты в своё Приморье.

– У владивостокцев нет акцента! – резко сказала Юлька. – А что вернусь – так это навряд ли. Говорю же вам: мы все умерли.

– Опять завыва, – расстроился Колян. – Как можно быть такой пессимисткой? Полюбому, когда-нибудь мы отсюда свалим. Ничто не может длиться вечно.

– А если может? – оживился Майк. – А давайте налаживать жизнь здесь. Построим город, с подземкой, с надземкой. Инфраструктуру, короче, забацим, супермаркеты. Там, глядишь, и другие жители появятся.

– У тебя есть на это энергия? – удивилась Юлька. – Или *оно* тебя всегда слушает? Я даже не смогла *его* упросить вернуть мне мой земной облик. *Оно* хочет, чтобы я всегда помнила, что являюсь утопленницей.

Майк выбежал из Хижины, через минуту вернулся обратно, посмотрел на себя в зеркало и сказал одно слово: «Блин!»

Юлька грустно усмехнулась, а Колян выбросил свою сигару в открытую дверь.

* * *

– Юль, а ты помнишь, как звали твоего парня? – спросил Майк, когда они вышли прогуляться по Пустоши.

– Помню: Руслан.

– И как у вас с ним было?

– Как у всех. Ссорились, мирились, снова ссорились.

– Что если Колян прав, и мы все в чистилище? Остались у тебя незаконченные дела на Земле?

– По-моему, «чистилище» – это что-то другое. Там то ли расплачиваются за грехи, то ли их искупают, чтобы попасть в рай. Скорее уж, мы – в астральном мире.

– То есть мы – призраки?

– А ты задумывался: кто такие призраки? Люди называют призраками жителей других миров, в том числе астрального. Про голографическую проекцию, отображающую живого человека, тоже можно сказать: «это призрак». Но при этом она воспроизводит человека, который реально существует, просто находится в другом месте. Возможно, жителям других миров кажутся призраками живые люди с Земли.

– Юль, я вот подумал... может, человеческое сознание не умирает? Может, оно бесконечно?

– Скорее всего, так и есть. Но менять один мир на другой крайне болезненно. Зачастую сознание оказывается в худшем мире, чем предыдущий. Кроме того, за ним из прошлой жизни тянется шлейф...

– Вот поэтому мы и выглядим мертвецами! А может, нам нужно не вспомнить то, что мы забыли, а забыть то, что помним? Тогда сознание очистится и переместится в новый мир?

– Я пыталась. Даже просила солнце. Ничего не получается.

– Значит, нам остаётся вспоминать... Да я и так уже выстроил картину своей жизни на Земле. Постоянной девушки у меня не было. Учился в вузе, похоже, на технаря. Увлекался поездами. Сидел ВКонтакте. Слушал западный рок... Я русский. Аполитичен. Не гомофоб и не гомосек.

– По-моему, ты забыл упомянуть о религиозных воззрениях, – слегка улыбнулась Юлька, выплюнув в очередной раз воду изо рта.

– Вообще-то, с ними я ещё до конца не определился, – начал Майк.

Вдруг рядом с ними раздался громкий хлопок, и парень с девушкой вздрогнули от неожиданности. Это Колян, тихо подкравшись сзади, лопнул надутый полиэтиленовый пакет и дико заржал. В этот раз о религиозных воззрениях Майка Юлька так и не узнала.

Глава 4

Продырявленный Карлсон

Юлька несколько раз грозилась уйти, но так никуда и не ушла. Некуда ей было идти. А после того, как появился Карлсон, она вообще уходить расхотела. Но это – отдельная история.

Карлсон, вообще-то, не был красавцем – невысокий, полненький, уже начал лысеть. А со сквозной дыркой в брюхе выглядел, прямо скажем, отвратно. На Пустоши у него выработалась дурная привычка ковыряться в своих кишках. Кроме того, на Земле у него были жена и двухлетний мальчуган. Но Юльку всё это не смущало. Она и сама-то не была первой красавицей, даже до утопления.

Что Юльке нравилось, так это то, что Карлсон был полной противоположностью её бойфренда. Руслан был нервным, желчным, взбалмошным, а Карлсон – спокойным, доброжелательным, уравновешенным... Одним словом, Юлька втрескалась в простреленного женатика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.